

ТРАНСФОРМАЦИЯ СОДЕРЖАТЕЛЬНОГО НАПОЛНЕНИЯ ПАТТЕРНОВ РОДИТЕЛЬСКО-ДЕТСКИХ ОТНОШЕНИЙ НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ РАЗВИТИЯ СЕМЬИ

Цветкова Наталья Афанасьевна

*К.псх.н., Московский Педагогический Государственный
Университет, г. Москва
mynatulechka@mail.ru*

TRANSFORMATION OF THE CONTENT PATTERNS OF PARENT-CHILD RELATIONS AT THE MODERN STAGE OF FAMILY DEVELOPMENT

N. Tsvetkova

Summary: The article deals with the mechanisms of destructive patterns of behavior, mental attitudes and emotional reactions that determine the child-parent relationships in the historical and cultural perspective. The mechanisms that caused the transformation of destructive patterns and the formation of new models of interaction in the child-parent dyad in the middle of the 20th century are discussed.

Keywords: child-parent relationships, parent-child dyad, constructive patterns, destructive patterns.

Аннотация: В статье рассмотрены механизмы возникновения деструктивных паттернов поведения, ментальных установок и эмоциональных реакций, определяющих детско-родительские отношения в историко-культурной перспективе. Обсуждаются механизмы, обусловившие трансформацию деструктивных паттернов, а также формирование с середины XX века новых моделей взаимодействия в диаде ребенок – родитель.

Ключевые слова: детско-родительские отношения, диада родитель – ребенок, конструктивные паттерны, деструктивные паттерны.

Во все времена в любой семье важнейшей являлась и является проблема продолжения рода – рождения и воспитания детей. При этом психологическое содержание детско-родительских отношений в разные культурно-исторические эпохи менялось радикально.

Одним из наиболее авторитетных источников, описывающих трансформацию родительства в разные периоды развития цивилизации стала работа американского психолога Ллойда Демоза «Психоистория» [1].

Исследовательским материалом для нее послужили многочисленные исторические источники (хроники, письма, дневники, живописные полотна, гравюры). Их анализ позволил автору выделить шесть различных моделей (паттернов) отношения родителей к детям, включающих три компонента: характер эмоциональной связи родитель-ребенок, поведенческие стереотипы и ментальные установки отцов и матерей по поводу родительской роли.

Демоз предложил различать традиционную историю, которая строится на основе анализа событий социальной (внешней по отношению к индивидууму) жизни, то есть таких событий, как смена форм государственного управления, революции, войны и т.п., и реальную историю (психоисторию), которая появляется в результате анализа жизненных событий отдельных людей, отношений в их семьях – супружеских и дет-

ско-родительских, влияющих на то, что происходит во внешней жизни.

Демоз проанализировал изменение со временем психологической сущности родительско-детских отношений. Он показал, как и когда произошло отрицание идеи «ребенок как родительская собственность» и вытекающих из нее поведенческих паттернов пренебрежения к психо-физиологическими особенностями ребенка, подавления его желаний и интересов; обосновал тот факт, что преодоление родительской тревоги осознанным путем без применения защитных механизмов привело к идее «воспитание как сотрудничество» на основе понимания и удовлетворения потребностей ребенка.

Шесть моделей, по Демозу, следующие: инфантицидная, оставляющая, амбивалентная, навязывающая, социализирующая, помогающая. Описание родительских установок и методов воспитания каждой из указанных моделей приведены в таблице. (Таб. 1)

В период со времен Античности до IV в. н.э. преобладала *инфантицидная модель* отношения к ребенку. В этот период детская смертность была очень высокой. Родители считали, что в детей вселялись злые духи и нечистые силы, поэтому они часто приносили детей в жертву богам в надежде искупить свои собственные грехи. Больных с рождения и слабых детей убивали. Разумность такого отношения древнеримский философ-стоик

Таблица 1.

Историческая эпоха	Доминирующая модель отношения к ребенку	Родительская позиция/основное убеждение	Методы взаимодействия
Весь период Античности, до IV в. н.э.	Инфантицидная	«Ребенок – собственность родителей, с которой можно законно делать всё, что захочется. Ребенок не имеет ни чувств, ни прав».	Суровое пренебрежение к физическому и психологическому состоянию ребенка. Жестокие физические наказания.
Период поздней Античности и все Средневековье (с IV по XIII в.)	Бросающая/отстранённая	«Ребенок – носитель негативных качеств и обуза для родителей».	Отсутствие эмоциональной близости и личного интереса. Практика передачи родителями детей на воспитание третьим лицам.
Весь период Возрождения и начала Нового времени (XIV—XVII вв.)	Амбивалентная	«Воспитать ребенка – значит, запугать его». Ребенок видится одновременно невинным и греховным.	Физические наказания, отсутствие устойчивой эмоциональной связи.
Эпоха Просвещения (XVIII в.)	Навязывающая/принудительная	«Ребенок – объект жесткого контроля. Только тот ребенок заслуживает родительской любви, кто соответствует представлению родителя об идеальном ребенке»	Начало понимания потребностей ребёнка. Ребенок воспитывается в семье родной матерью, средством воспитания становится и воздействие словом.
XIX в. — первая половина XX века	Социализирующая	«Ребенок – объект заботы родителя о его социализации»	Процесс воспитания перестает быть только материнской задачей, в него начинают активно включаться отцы.
Середина XX века – настоящее время	Помогающая	«Ребенок — это уникальное человеческое существо, которому необходимо помочь вырасти и проявить потенциальные возможности».	Индивидуализация процесса воспитания, отказ от физических наказаний и равноправные отношения между родителями и детьми.

Сенека обосновывал стремлением оградить здоровых особей от «бешеных псов, неистовых быков, больных овец, способных заразить стадо». Вполне законным являлось использование детей в сексуальных целях (упоминания об этом встречаются в античной переписке, мемуарах и философских трактатах).

В период поздней Античности и Средневековья, то есть с IV по XII вв. господствовала *бросающая/оставляющая модель* поведения. Родители воспринимали ребенка как угрозу, поскольку ему приписывали те качества и особенности поведения взрослого, которые они не могли принять у самих себя. Уход за ребенком осуществляли «третьи лица» – кормилицы или служители монастырей, куда отдавали младенцев. Детей из бедных семей передавали в дома богатых людей в качестве прислуги. Но даже если ребенок оставался в родительском доме, то окружающие вели себя с ним предельно строго, эмоционально холодно, использовали суровые телесные наказания.

В эпоху Возрождения и начало Нового времени (XIV–XVII вв.) господствовала *амбивалентная модель* воспитания. Особенностью этой модели является уменьшение эмоциональной дистанции между родителем и ребенком. Однако качества, которые взрослые не принимали у себя, по-прежнему приписывались детям, поэтому

воспитательный стиль определяла формула «выбросить розги – испортить ребёнка».

Главной задачей родителей в этот период является задача «выковать» ребенка «под себя». Процесс воспитания метафорически описывался как работа с воском, гипсом или глиной, поскольку душа ребенка считалась *tabula rasa* («комнатой, в которой никого нет», метафора Дж. Локка). Вследствие этого родитель был волен наполнить детские представления о мире таким содержанием, которое лично ему представлялось адекватным. Тем не менее, именно в это время стали появляться первые труды, посвященные воспитанию детей, а в иконографии возникает образ Марии и младенца.

Эпоха Просвещения (XVIII в.) характеризуется преобладанием *навязывающей - принудительной модели* воспитания. Этот период, по мнению Демоза, ознаменовался началом «великого перехода» – точкой качественного изменения отношения родителей к ребенку.

Детская смертность начала снижаться. Детей оставляли в семье, их воспитывали родные матери. Основной задачей родителей стал контроль потребностей ребенка, его эмоционального и психического состояния. Среди средств воспитания значимыми признаются «слова» (убеждения).

Однако физические наказания, угрозы и другие инструменты «воспитания страхом» по-прежнему широко распространены и никак не осуждаются обществом. Сохранились воспоминания о матери, которая была своего четырехмесячного ребенка до тех пор, пока у нее не устали руки.

Более того, даже наиболее просвещенные люди этого времени, искренне верили в воспитательную роль физического наказания. Так, Джон Мильтон, поэт и мыслитель, по свидетельству его жены, регулярно избивал своих детей и племянников; Людвиг ван Бетховен бил своих учеников спицами для вязания. А во Франции физическому насилию подвергались даже наследники королевского престола. Людовик XIII, которому за обедом показывали кнут, уже в 1,5 года знал, что вид кнута требует от него молчания; с 2 лет его регулярно били по голому телу.

В XIX в. – первой половине XX века господствовала *социализирующая модель* воспитания. Разрушение жесткой социальной иерархии, гарантирующей человеку социальную успешность самим фактом рождения в соответствующей социальной нише, выдвинуло на первый план идею достижения человеком достойного места в обществе за счет саморазвития – профессиональных достижений в разных сферах деятельности. В этой связи родители считали своей задачей обучение детей основным навыкам социализации. В процесс воспитания активно включаются отцы, в обществе широко распространяются педагогические знания, идея «воспитания по родительской интуиции» заменяется стремлением родителей освоить педагогические компетенции.

Социализирующий стиль отличается отказом от физического насилия как основного инструмента воспитания и появлением эмоциональной близости между родителями и ребенком. Однако довольно часто родители используют приемы манипуляции и эмоционального шантажа: «Веди себя хорошо, или я не буду любить тебя».

Семейная роль воспитателя становится для мужчин не менее важной, чем роль кормильца. Однако идея «хороший ребенок должен бояться своего отца» активно поддерживается обоими родителями. Эта идея подпитывается неосознаваемым чувством поиска своеобразной «справедливости»: отцы вспоминают суровость, с которой их воспитывали их собственные родители, и «отыгрывают» свои детские страдания в отношениях с собственным ребенком.

Середина XX века знаменуется зарождением нового стиля воспитания – *помогающего*. Он стал олицетворением нового осмысления человеческой жизни, пониманием счастья как субъективного переживания взрослым человеком индивидуального жизненного опыта. Родители, реализующие помогающий стиль, воспринимают ребенка как уникальную личность, а свою родительскую

задачу видят в том, чтобы создать условия, когда ребенок мог бы максимально полно проявить индивидуальные свойства своей личности, раскрыть свои потенциальные возможности и удовлетворить свои потребности на каждом этапе развития.

Воспитание ребенка каждый из родителей считает творческим процессом, основанном на чутком понимании переживаний и эмоциональных потребностей ребенка. Такой стиль воспитания приводит к формированию психологически устойчивых детей, с адекватной самооценкой, умеющих противостоять негативным внешним влияниям.

Казалось бы, наступает настоящий хэппи-энд и воспитательные проблемы больше не должны омрачать родительское счастье наших современников.

Жизнь показывает, что это совсем не так. Проблемы в отношениях с ребенком – самый востребованный запрос на психологическую помощь после запроса на помощь в преодолении супружеских проблем.

Главный источник проблем – в том, что в реальном взаимодействии родителей с детьми до сих пор имеют место отголоски самых архаичных воспитательных моделей. Причина этому – закон психологической ответственности, который гласит: жизнь каждого человека во всех сферах его деятельности определяется устойчивым набором убеждений, моделей поведения и эмоциональных реакций, полученных им от предков [2, с. 2].

В каждой семье из поколения в поколение передается набор моделей поведения. Каждая модель является устойчивым сочетанием трех взаимосвязанных компонентов: убеждения, эмоциональные реакции и поведенческие стереотипы. При этом модели могут, как помогать наследнику рода (позитивная модель), так и создавать неосознаваемые препятствия (негативная модель).

Чтобы обеспечить ребенку правильное и доброе воспитание, современный родитель должен четко представлять а) какие неосознаваемые модели, полученные от предков, могут помешать счастью материнства и отцовства; б) как надо действовать, чтобы оградить своих детей от влияния негативных сценариев предков.

Обсудим проявление в современных семьях модели материнства, названной нами *«материнство – тяжкий крест»*. Это печальное наследство получают внуки и правнучки женщин, которые молодыми теряли мужей, оставаясь вдовами с маленькими детьми на руках. Их жизнь превращалась в настоящую битву за выживание. Они много и тяжело работали, стараясь дать детям все необходимое. Сил на выражение материнской любви и на заботу о себе просто не оставалось [3, с. 12].

Обладательницы этой модели оттягивают рождение первенца, страшатся беременности, избегают многодетности, да и с одним ребенком не умеют быть эмоционально близкими.

Более того, подсознательный страх «испортить» свою жизнь детьми очень часто приводит к психологическому бесплодию. На словах женщина утверждает, что очень хочет стать мамой, но ее тело, получая сигнал «беременность и дети – путь к страданиям», изо всех сил сопротивляется процессу зачатия.

Убеждения, лежащие в основе модели «*материнство – тяжкий крест*»: «Рождение детей – это огромная, почти непосильная нагрузка, погружение в тяжелый домашний труд, монотонный, не производительный, неблагодарный». Подсознательные ожидания женщины от материнства: одиночество, отказ от собственных интересов, отсутствие поддержки.

Считается, что влияние горьких судеб матерей прошлых поколений на отношение к материнству современных молодых женщин преодолено. Думается, что это не совсем так. Свидетельство тому, во-первых, резкое смещение возраста рождения первенца к 30 годам: женщина хочет сначала сделать карьеру, обеспечить себе задел для будущего финансового благополучия, создать гарантии своей экономической безопасности. Во-вторых, набирающая силу идеология «чайлд-фри» – свободы от детей. Соблазны современной жизни только отчасти ответственны за ее появление и распространение. Модель «материнство – тяжкий крест» внесла в это свой вклад, вне всякого сомнения.

Следующую деструктивную модель мы назвали «*отстраненное отцовство*». Ее сформировали те же общественные потрясения, что сыграли главную роль при формировании модели «материнство – тяжкий крест».

В предыдущие периоды развития нашего общества, многие мужчины вынужденно становились недоступными для своих детей, поскольку их призывали в армию или на народные стройки, они оказывались жертвами репрессий. А возвращаясь после длительного отсутствия в свои семьи, они не могли полноценно включиться в процесс воспитания: дети привыкли, что «начальник» у них один – мама, и с отцом держались на почтительном расстоянии.

Да и не имели многие мужчины времени на общение с детьми, потому что работали с утра до ночи: уходили на службу, когда дети еще спали, а приходили, когда дети уже улеглись спать. В результате авторитет отца поддерживался, в основном, усилиями матери – она создавала тот его образ, который считала нужным.

Современное отцовство предполагает максималь-

ную доступность отца детям. Однако, не будучи осознанной, модель *отстраненного отцовства* до сих пор мешает многим отцам по-настоящему включиться в воспитание.

Убеждения, лежащие в основе модели отстраненного отцовства: «С воспитанием детей может справиться одна мать. Дело отца – работа для увеличения ресурсов семьи». Ожидания такого отца: «Главное, чтобы дети меня уважали. Ждать от них любви не обязательно».

В наше время отцовская роль имеет гораздо более сложное содержание, чем предполагает модель отстраненного отцовства. Хороший современный папа не только берет на себя ответственность за финансовое обеспечение семьи, но и находит время для общения с детьми; умеет быть теплым, открытым и добрым, не забывая быть строгим; поддерживает мамин авторитет матери в глазах детей, выступает с ней заодно, не противопоставляя свой авторитет ее авторитету. И, наконец, хороший современный папа всегда работает над собой.

Еще одна деструктивная модель, доставшаяся нам из прошлого: «*строгий папа – добрая мама*». Не изжитые представления о законах родительства в семье патриархального типа представляют роль отца, как сурового и жестокого главы семьи, который распределяет поощрения и наказания между детьми, своего рода «палач», который реализовывает «приговоры» за неподобающее поведение.

Прогрессивная модель отцовства предполагает, что отец является создателем стратегического планирования семьи, экспертом, который может дать справедливую и беспристрастную оценку поведения своих детей. И самое главное: в современной семье залогом грамотного воспитания является полная согласованность воспитательных позиций матери и отца.

И, наконец, еще одна, очень широко распространенная деструктивная модель, препятствующая достижению семейной гармонии. Это модель *семейной разобщенности*. Она выражается в том, что братья и сестры не интересны друг другу и почти не общаются, состарившиеся родители вызывают у детей раздражение, желание понять их и поддержать напрочь отсутствует. Семья в полном составе практически не собирается, и даже на редких общих встречах нет атмосферы любви и взаимной заинтересованности, зато есть упреки, недоговоренности, недобрая конкуренция.

Выросшие в семье моделью разобщенности дети обычно жалуются на то, что родители не умели относиться ко всем детям одинаково – хвалить и наказывать по справедливости; делить свое время и внимание по справедливости; семейные деньги расходовать по справедливости, с учетом реальных желаний каждого ребенка.

Корни модели разобщенности кроются в судьбах тех поколений семьи, которые по разным причинам оказывались разделенными территориально, теряя контакты друг с другом. Такие семьи в великом множестве были порождены всевозможными общественными катаклизмами. Близкие родственники, живущие вдалеке друг от друга, не могли оказать друг другу помощь и психологическую поддержку, что мешало созданию единого семейного гнезда, защищенного, спокойного и уютного.

В результате каждый считает, что он один, ему никто не поможет, поскольку ресурсов семьи не хватит на каждого члена семьи. В итоге ожидания помощи и поддержки не осуществляются, поскольку люди искренне верили, что их не поймут и им не помогут.

Для семей с моделью разобщенности сбор данных семейной истории, с одной стороны, наиболее затруднителен. Но, с другой стороны, этот опыт направлен на преодоление равнодушия между родственниками и возрождения сердечного тепла в отношениях.

Противоположная разрушительной для счастливого родительства модели разобщенности – модель *семейной сплоченности*. Она характеризуется наличием любви, уважения и внимания членов семьи друг к другу. Сплоченные семьи умеют объединяться и в радости, и в горе, умеют поддержать того, кто оказался в трудной жизненной ситуации, считают заботу о семейном благе своей важнейшей ценностью.

Как привить детям чувство семейной общности? Первая по важности задача родителей – самим избавиться от влияния деструктивных моделей, порожденных негативными сценариями предков. Осознать их и трансформировать в модели конструктивные, чтобы своими убеждениями, переживаниями и действиями подавать детям положительный, вдохновляющий пример и быть уверенными, что психологическое наследство следующих поколений освобождено от тяжелого груза негативных моделей.

Не менее важно, чтобы родители, делясь своими воспоминаниями, не навязывали детям свои собственные сценарии как единственно возможные.

Чтобы опыт родителей стал ценным подспорьем в жиз-

ни детей, он должен быть проанализирован и оценен с точки зрения всех нюансов семейной истории. И дети имеют право знать все семейные сценарии, и эффективные, и деструктивные.

Резюмируя сказанное, отметим, что важнейшей особенностью трансформации родительских ролей на современном этапе развития института семьи, является новизна требований к партнеру и у современных мужчин, и у современных женщин. В ее основе – стремление к эгалитарности (равноправию) с равной долей прав и обязанностей всех взрослых членов семьи. В родительстве это привело к формированию нового психологического феномена, которые многие авторы назвали *«новое отцовство»* [4]. «Новый отец», не отказываясь от ответственности за обеспечение семьи, в полной мере разделяет с матерью ребенка ответственность за уход за ребенком, заботу о его физическом, нравственном и интеллектуальном воспитании.

Осуществление этой роли мужчиной предполагает согласие женщины, отсутствие с ее стороны конкуренции за любовь ребенка, которая часто провоцируется неосознаваемой матерью моделью «семейной разобщенности», провоцирующей мать «выталкивать» отца ребенка на периферию воспитательного процесса. Такая мать противопоставляет в глазах ребенка «хороших маминых родственников» менее «хорошим» родственникам отца (начиная с бабушек-дедушек). Все это вносит сумятицу в чувства ребенка, в отношения отца и матери и провоцирует конфликты, что, безусловно, указывает на важность осознания всеми современными родителями того негативного влияния, которое оказывает на них деструктивное психологическое наследство в сфере семейного воспитания.

Отсюда вытекает важная задача для психологов-практиков: усилить информационно-просветительскую работу о влиянии психологической наследственности на актуальные проблемы, с которыми сталкиваются наши современники в сфере воспитания подрастающих поколений. Осознание с помощью психолога деструктивных моделей «материнство – тяжкий крест», «отстраненное отцовство», «строгий папа – добрая мама» и «семейная разобщенность» должно стать важным элементом консультативного процесса.

ЛИТЕРАТУРА

1. Демоз Л. Психистория/пер. с англ. Шкуратова А. – Ростов-на-Дону : Феникс, 2000. 512 с.
2. Цветкова Н.А. Реконструкция семейной истории как эффективный инструмент в психокоррекционной работе. – Москва-Воронеж: МПСИ, 2010. 231 с.
3. Цветкова Н.А. Семейные истории: технология применения. – М, 2019. 224 с.
4. Борисенко Ю.В., Портнова А.Г. Проблема отцовства в современном обществе // Вопросы психологии. 2006. № 3.

© Цветкова Наталья Афанасьевна (mynatulechka@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»